

**КОНЕЦ СВЕТА
СОСТОИТСЯ
ПРИ ЛЮБОЙ
ПОГОДЕ**

**Елена
Архипова**

Елена Архипова

**Конец света состоится
при любой погоде**

«Издательские решения»

Архипова Е.

Конец света состоится при любой погоде / Е. Архипова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850698-7

Героиня романа — успешная бизнес-леди и счастливая в браке женщина — теряет вмиг всё, что составляло смысл её жизни. Такое ощущение, будто сама судьба идёт за ней по пятам, порождая всё новые бедствия и оставляя на своём пути окровавленные трупы. Удастся ли Ольге Градовой ценой немыслимых жертв защитить своё доброе имя или героиня погибнет в жестокой схватке с неведомой силой? — этот вопрос будет мучить читателей до самых финальных глав романа.

ISBN 978-5-44-850698-7

© Архипова Е.
© Издательские решения

Содержание

Реальность разлетается вдребезги	6
Удавленник в кровати	11
Наркормыцарь Кацман	14
Откуда не ждёшь...	18
Всякой скотине мать	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Конец света состоится при любой погоде

Елена Архипова

© Елена Архипова, 2018

ISBN 978-5-4485-0698-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Реальность разлетается вдребезги

Нет, конец света где-то в трёх шагах – это точно. Раньше крестьянину достаточно было в феврале, на какого-нибудь там Фрола-ветродуя, помусолить палец и воздеть его к небесам, чтобы безошибочно определить: лето будет жарким. Сейчас же климат настолько разладился, что ни одна примета уже не действует, а наше традиционно жаркое сибирское лето разливается дождями, что твои тропики. И добром это кончиться не может.

Так рассуждала я, глядя в окошко на нудные струи дождя. Со мной явно были солидарны мокрая кошка и забытая во дворе старушка с мусорным ведром. Дело близилось к вечеру, но это обстоятельство нисколько не меняло намерений дождя идти до последнего. И так не хотелось мне выбираться из удобного кожаного кресла, из своего кабинета – и шлёпать по лужам к машине. Но давно пора было домой.

Я захлопнула ежедневник и уже было поднялась, как в дверь мелким горохом постучали, и в кабинет просочился Сашенька.

Когда «Экстаз» только-только открылся, и я металась от одной заботы к другой, разрываясь между бухгалтерскими счетами, работой с поставщиками и воспитанием своего небольшого коллектива, Сашенька сам явился ко мне прямо с улицы, как приبلудный котёнок. Выглядел он жалким и просто горем убитым (как я потом узнала, только что закончилась очередная единственная любовь Сашеньки), но это не помешало визитёру нахально заявить, что он хочет работать у меня. Я откровенно рассмеялась: что было делать в магазине дамской одежды и нижнего белья этому субтильному существу неопределённого возраста? Но когда мы прошли с ним в торговый зал и заговорили об особенностях моего бизнеса, Сашенька просто ошеломил меня знанием самых последних тенденций женской моды, отменным вкусом и вкрадчивыми манерами, столь незаменимыми в общении с моими взбалмошными покупательницами.

Сашенька был моей гордостью. С ним я не знала никаких забот в управлении своей модной лавочкой: Сашенька держал в узде девчонок-продавиц, мотался к поставщикам, привозя такой сногсшибательный товар и на таких льготных условиях, что я только диву давалась. В остальное время он неотлучно находился в торговом зале и так тонко ублажал капризных богатых тёток, что те от счастья едва ли не растекались по полу громадными лужами жира и уходили из магазина в полном восторге, увешанные гроздьями коробок.

Сашенька был моей головной болью. Судьба его не задалась, и трудно сказать, чего в ней было больше – трагичного или комичного. По молодости Сашенька мечтал стать модельером, но скоропалительно женился на глупо забеременевшей девке, забросил свои мечты о высокой моде и начал ремонтировать тепловозы на железной дороге, чтобы прокормить увеличивающееся семейство. Так протянулось бог знает сколько времени. Сашенька жил и мучился, сам не понимая – чем, пока в 35 лет не прозрел по воле случая и понял, что он – совсем другой, голубой, как майское небо. Переменить судьбу, уяснив причину, оказалось уже проще: Сашенька развёлся с женой и пустился в свободное плавание.

Как всякий неофит, он стал ну просто идейным гомиком и только что не ходил со спущенными штанами в качестве знамени. Он даже представлялся так: «Сашенька Толмачёв, гей по убеждению», чем повергал в дикое смятение неподготовленного собеседника. Однако на самом деле в Сашенькином тельце проживало большое сердце, требующее любви, и потому мой зам упорно искал свою мужскую половину. Примерно раз в полгода Сашенька страстно влюблялся – раз и навсегда. Всех фигурантов его сердца я уже и не упомяну, но обычно Сашенькины связи заканчивались разрывами, причём бросали его. После этого Сашенька запивал и на неделю-другую выпадал в осадок, а я терпеливо ожидала его выхода из штопора. По-своему я любила и жалела несчастливую в любви гея. Частенько он приходил ко мне в кабинет и изливал душу по поводу мужской неблагодарности и коварства. Наверно, видел во мне род-

ственное создание. Сказал бы мне кто-нибудь с десяток лет назад, что я стану выступать в роли жилетки для страдающего педераста... С ума сойти! Впрочем, последние несколько месяцев Сашенька плотно жил с каким-то мачо уголовного пошиба (тот даже пару раз заходил к нам в бутик), и я откровенно радовалась за него.

– Что-то случилось, Сашуль? – спросила я.

Сашенька помялся. Большие глаза его бегали туда-сюда.

– Ольга Сергеевна, я к вам с небольшой просьбой. Не могли бы вы ненадолго забрать к себе домой одну вещь?

Сашенька достал из кармана небольшую продолговатую коробульку и положил её на стол.

– Что-то случилось?

– Да ничего особенного. Просто мы с Толиком поссорились вчера из-за пустяка. Приревновал меня совершенно не из-за чего, ударил. Сегодня, конечно, будет всё нормально, но вот за эту штучку я боюсь – он её разобьёт или выкинет, – а она мне очень дорога. Осталась от одного человека...

И Сашенька тяжело вздохнул, являя собой эталон мировой скорби.

– Да ты не убивайся так: у вас же это не в первый раз. Ревнует – значит, любит. Давай сюда свою бонбоньерку. Как тучи рассеются – скажешь, верну.

Я сунула свёрточек в сумочку и поднялась. Сашенька пошёл впереди меня к дверям, на выходе остановился, виновато оглянулся, пожав плечами, и вышел.

К машине я мчалась без зонтика, пригнувшись, как на линии огня. Почти не промокла сама и не промочила туфли. Моя красotka, сиреневая «Вольво», была на ходу всего второй год, не подвела меня ещё ни разу, так что через несколько секунд, разбрызгивая веером воду из луж, я уже неслась сквозь дождь.

От Красноармейской до нашего дома было всего ничего, и если бы не обязывало положение, я вполне могла бы ходить на работу пешком. «Экстаз» стал для меня огромным сюрпризом. Ровно год назад, в мой день рождения, Володя привёз меня в пустое светлое помещение, где ещё остро пахло свежей краской, и сказал: «Ты хотела сама попробовать себя в деле? Вот, получай. Можешь открывать бутик, о котором столько мечтала. Всё, что понадобится, – на дизайн, на закупку товаров – оплачу без проблем. С днём рождения, малыш!». И я была в экстазе...

Новорусскую громадину, в которой мы жили, построили всего пару лет назад. Находясь в самом центре города, здание заслонилось от улицы стандартными хрущёвками, и потому в нашем дворе шума проезжающих машин слышно почти не было. Прямо из подземного гаража я поднялась в лифте на наш седьмой этаж и блякнула в дверь. Открыла Дора Михайловна, няня Димки, которая уходила вечерами, когда я и Володя возвращались домой. Она была уже в плаще.

– Добрый вечер, Оленька! Не промочило вас? Август называется... У нас всё нормально. Ужин готов, Димочка уже ужинал. Владимир Николаевич приехал буквально перед вами и сейчас принимает ванну. Если надобности во мне нет, я побегу.

Всё это Дора Михайловна прошептала, не останавливаясь, своим полудетским голоском, одновременно улыбаясь и суетливо перебирая старушечьими лапками, как муха на тарелке с мёдом. Няня она была замечательная, и мы с ней жили душа в душу.

Изобразив ещё два-три японских полупоклона, как престарелая гейша, Дора Михайловна запоздалой бабочкой выпорхнула за дверь. Впечатление довершал тропически яркий зонтик с тиграми и баобабамы, который она раскрыла почему-то прямо на площадке, будто дождь лил уже там.

Я разулась в прихожей и прислушалась. В ванной шумела вода. Ещё дальше приглушённо раздавались хлопки выстрелов – это Димка тиранил в детской компьютерную игру. Из кухни пахло чем-то до умиления домашним и вкусным.

Вот и ещё один день прошёл.

Я небрежно бросила сумочку на тумбочку в прихожей, но вдруг вспомнила, что там лежит безделушка, которую мне доверил на хранение Сашенька, и испугалась – не разбила ли? Достала разноцветный свёрточек, потрясла над ухом. Нет, слава богу, обошлось. Какие сокровенные тайны хранил там маленький смешной человечек с большим сердцем? Дырявый носок бывшего возлюбленного? Окурок сигары? Рванный презерватив «Голубая луна»? Войдя в гостиную, я положила Сашенькину тайну на стол и накрыла бумажной салфеткой. Потом быстро впрыгнула в халатик и побежала на кухню – сервировать стол, пока муж не появился из ванной.

Чайник уже закипал, когда в дверь позвонили. На входе в подъезд у нас сидел охранник, потому я не задумываясь щёлкнула замком.

На площадке стояли пятеро: четверо суровых мужчин и поношенная женщина. Один из визитёров был в полицейской форме, но, похоже, не самый главный. Старшим был худой брюнет с нервным дёрганым лицом. Он махнул перед моими глазами красным удостоверением и вежливо, но не без ехидства в голосе, представился:

– Марк Кацман, отдел по борьбе с наркотиками. Я не ошибаюсь, и здесь действительно живёт Градов Владимир Николаевич?

– Да, – опешила я.

– Ну и замечательно. Нам необходимо произвести обыск в вашей квартире. Со мной ещё двое сотрудников и понятые.

Говоря так тихим спокойным голосом, от которого мурашки толпой помчались по моей спине, он понемногу двигался прямо на меня, так что мне волей-неволей пришлось отступить вглубь прихожей. Я была просто в паническом ужасе и никак не могла прийти в себя. За Кацманом ввалились остальные. Профессионально, не производя лишнего шума, но оставляя следы мокрой обуви, сотрудники быстро рассредоточились по квартире, и только понятые сиротливо остались стоять у дверей.

Шум воды в ванной стих, и я опомнилась. Вот сейчас, сейчас Володя выйдет, и всё это недоразумение разрешится в один момент. Мой муж знает, что делать, он может всё!

Открылась дверь ванной, и Володя появился на пороге, крупный, с мокрыми волосами, с полотенцем, повязанным на бёдрах. По телу сбежали капельки воды. Он увидел меня, улыбнулся, но тут же заметил полуоткрытую дверь, прижухших понятых и вопросительно взглянул на меня:

– Оля, что-то случилось?

Я кивнула и показала в сторону гостиной, куда вела цепочка грязных следов. А оттуда уже шёл Кацман, и узкое лицо его подёргивалось в недоброй гримасе.

– Владимир Николаевич, необходимо ваше присутствие. И вы, граждане понятые, пройдёте в комнату.

– Что вы здесь делаете? – своим звучным голосом сурово спросил Володя.

– Повторю ещё раз, специально для вас: я – полковник Кацман, отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Несмотря на всю серьёзность ситуации, Володя хохотнул, наверно, его позабавило сочетание слов «Кацман» и «полковник». Потом поинтересовался:

– Надеюсь, вы понимаете, в дом к кому врываетесь? Я – Градов! И если вы из полиции, то где ваш ордер на обыск? Кажется, положено предъявлять его в таких случаях?

– Информация к нам поступила срочная, оперативная, так что не было времени для получения ордера. Но вы не волнуйтесь: ордер я выпишу прямо сейчас, а завтра утром поставлю в известность прокурора. Законом это не запрещено.

Володя раздражённо сел в кресло и скрестил руки на груди:

– Валяйте, ищите что хотите, но имейте в виду: завтра же я буду на приёме у вашего генерала и составлю с ним разговор о самоуправстве, которое вы себе позволяете.

– Ну, это вряд ли, – сказал Кацман, и непонятно было, к чему относились его зловещие слова. – Пока же предлагаю вам добровольно выдать оружие, наркотики и иные предметы, запрещённые к использованию.

Володя усмехнулся:

– Не дождётесь, не выдам.

А двое полицейских в это время уже шерстили комнату, передвигая мебель, заглядывая под диван и вытряхивая прямо на пол содержимое ящичков секретера. Из детской выглянул Димка и вытаращил глазёнки, потрясённый таким обилием чужих людей. Я подозвала его, и мой мальчонка молча прижался ко мне, разглядывая то непонятное, что творилось в нашей квартире. Ужас длился, казалось, бесконечно. Было ощущение, как во сне, когда убегаешь от преследования маньяка и даже резво передвигаешь ногами, однако всё равно остаёшься на месте, пытаешься вырваться из вязкой тины кошмара и не можешь, не можешь...

Тем временем солидный полицейский в форме передвинулся к столу, вытащил из вазы букет гладиолусов, заглянул внутрь. Убедился, что оружия там нет, поставил вазу на место и приподнял салфетку. Будто в замедленной киносъёмке, рапидом, я увидела, как полицейский взял в руки разноцветную коробочку, повертел в толстых пальцах, подал Кацману:

– Марк Исаакович, взгляните!

Находкой Кацман живо заинтересовался и обернулся к Володе:

– Что это, Владимир Николаевич?

Володя пожал плечами. Я хотела возразить, сказать, что это чужая вещь и её нельзя трогать, но была как в ступоре, и распухший язык не поворачивался во рту. А Кацман уже небрежно надорвал блестящую упаковку со звёздочками и извлёк на свет маленький полиэтиленовый пакетик, наполненный чем-то белым. Глаза его масляно заблестели, как у кота, узревшего беспечную мышь:

– Прошу понятых подойти поближе! Сейчас мы запишем в протоколе, что в квартире подозреваемого нами обнаружен пакет с белым порошком весом ориентировочно в пятьдесят граммов и вкусом, предположительно напоминающим... – он запустил палец в порошок, облизнул его и жутко завершил, как ударил, – ...героин.

Я вскочила, захлёбываясь междометиями, попыталась объяснить, что это ошибка, что свёрток – не наш, но Кацман движением руки остановил меня и злорадно сказал, явно красуясь:

– Владимир Николаевич, вы, конечно, сам Градов, но проехать в отдел полиции вам с нами всё-таки придётся. Попрошу принять более пристойный для прогулки вид.

И тут произошло то, чего не ожидал никто. Мой муж, как злая распрямившаяся пружина, рванулся из кресла и саданул босой ногой штатского, заслонявшего дверной проём. Доблестный опер опрокинулся на спину и засучил ногами, как большая морская черепаха, а Володя перепрыгнул через него и одним броском оказался на лестничной площадке. Полицейские быстро спохватились и затопотали следом за ним. Понятые застыли посреди комнаты с поседевшими лицами, как два соляных столпа.

Кацман остался в квартире, весело взглянул на меня и покачал головой:

– Не уйдёт.

Я метнулась на лоджию и стала всматриваться вниз, в рано стгутившиеся сумерки. Не услышала, скорее рефлекторно почувствовала, как нараспашку откинулась застеклённая дверь подъезда, и увидела мужа, большими прыжками летящего по двору, а за ним – две чёрных фигуры. Не по наивности, а, наверно, от безысходности он и не подумал о том, что практически голому человеку невозможно скрыться на центральных улицах города, где полицейские бродят целыми косяками. Буквально в нескольких метрах от угла дома, выходящего на Ноград-

скую улицу, Володя поскользнулся на мокром асфальте и неловко упал. Этого оказалось достаточным для того, чтобы преследователи догнали его и начали пинать, хрипло матерясь.

Я закричала, но мой крик с седьмого этажа, сквозь стекло лоджии, показался мне самой мышинным писком. Полотенце слетело с Володи, и его голое тело особенно беззащитно белело в сумерках на асфальте, как моллюск, выдернутый из своей раковины безумными поварами.

Удавленник в кровати

Ещё в течение полутора часов после отъезда опергруппы я не могла прийти в себя, истерически рыдая на кухне. Я понимала только одно: произошло какое-то страшное недоразумение, шестерёнки обстоятельств сцепились и вмиг перевернули всё моё безоблачное существование. Димка резко повзрослевшим мужичком сел на пол спиной к стене, долго и серьёзно смотрел на меня, потом сказал:

– Мам, я пойду спать. И ты ложись. Папа скоро вернётся.

Несмотря на своё состояние, я умилилась тому, как моё шестилетнее сокровище наивно пытается успокоить меня. Наскоро вытерев распухший от слёз нос, я проводила сына в детскую и уложила его. Вернулась на кухню с бутылкой J&B и влила в себя хорошую порцию противно воняющего виски. Посидела. Мир замедлил безостановочное кружение в моей голове и начал останавливаться.

Тогда я всё поняла. Я была дурой. Сама, собственными руками я приволокла в дом эту отраву и по своей простодырости бросила её на столе. Неизвестно, как и почему полиция оказалась у нас, но всё сошлось роковым образом. И тут меня будто ударило в голову. Сашенька! Это же он попросил меня взять домой разноцветную коробочку! Или он не знал, что находится в ней, или сделал это сознательно, чтобы героиновый порошок переждал опасность в нашей квартире, находящейся вне всяких подозрений. Вот же педрила поганый! Я побегу сейчас к нему, выволоку из тёплой постельки вместе с его Толюсиком и сдам в полицию! Пусть там объясняется и отдувается сам. Такие проблемы – не для моей женской головушки.

Я вскочила, ударилась коленом об угол холодильника, беззвучно выругалась и стала натягивать джинсы. Забыв про дождь, как была, выбежала из квартиры. Тощий рыжий охранник с бородой, как у норвежского шкипера, уже будучи в курсе скандала, с любопытством уставился мне вслед.

Если дворами – это было рядом. Сашенька снимал небольшую квартирку на Весенней, улице традиционных гей-тусовок, в доме с псевдовенгерским рестораном, экзотически именуемым «Шалго». Ещё издали я увидела, что в окнах его квартиры горит свет. Задыхаясь, взбежала по лестнице и начала колотить в дверь кулаками.

Дверь вдруг скрипнула и подалась.

На мгновение я мысленно ужаснулась, но открыла её. Такое обычно описывается в плохих детективных романах, но, входя в квартиру, я уже догадывалась, что меня ждёт. Сашенька тряпичной куклой лежал на кровати, огромном своём сексодроме, и смотрел на меня, нелепо вывернув шею. Лицо его было неестественно сизого цвета, а язык торчал из-за редких зубов. Сашенька не дразнился. Он был мёртв, настолько, что мертвей и быть не может.

Уже позже, анализируя свои действия в критический момент, я подивилась тому, насколько осторожно и аккуратно всё сделала. Видать, чтение на досуге всякой детективной белиберды так крепко засело моей в голове, на уровне подсознания, что я старалась ничего лишнего не касаться и без нужды ничего не сдвигать с мест. Даже выходя потом из квартиры, я не забыла протереть носовым платком дверную ручку.

По обиталищу теперь уже мёртвого Сашеньки я прошла достаточно хладнокровно, стараясь глядеть на лежащее тело, как на полноправный предмет обстановки. Правда, шептала про себя на манер Скарлетт О'Хары: «Я поплачу об этом потом».

На просторной кухне всё блестело, словно в операционной – покойный Сашенька был чистюлей. Однако на белой скатерти остались следы застольной беседы: пустая бутылка из-под армянского коньяка, две стопки, останки какого-то разноцветного салата и початая коробка конфет. Ни малейшего намёка на то, что здесь происходила ссора – сидели люди, выпивали да мирно толковали меж собой.

Да и в комнате, не считая изрядно пожульканного покрывала на постели, тоже всё было чинно-благородно: шторы на окнах не оборваны, мебель на своих местах, дверцы шкафа закрыты, ящики небольшого комодика не выдвинуты, и даже вполголоса работающий музыкальный центр подмигивал из угла разноцветными огоньками. Короче, за исключением лежащего со свёрнутой шеей хозяина жилища, поводов для беспокойства не было.

Я опасливо присела у Сашеньки в ногах и задумалась. Похоже, что ничего ценного в квартире не взято. Даже при том, что у него уходила куча денег на своего маргинального Толика, Сашенька не бедствовал, ведь платила я ему более чем прилично. Значит, не пошное ограбление стало причиной гибели моего заместителя. Скорее, бытовая или интимная ссора с кем-то, кого Сашенька привёл к себе в этот вечер и угощал коньячком. А, может быть, убийство оказалось случайностью? Похоже, что так, ведь убийца быстрее лани бежал из квартиры, не выключив свет и даже не захлопнув двери. Видимо, было ему очень страшно от содеянного. А что, переусердствовали ребята в интимных ласках, надавил проклятый мужлан на нежное горлышко Сашеньки чуть сильнее, чем надо, – хрусть и готово! Тут я, пересилив себя, пристальнее взглянула на труп и поняла, что так вывернуть человеку шею – это надо постараться. Стало быть, не случайность.

Ревность? Я слышала, что гомики болезненно ревнивы, и кровавые разборки на этой почве у них нередки. Мало ли кого из своих бывших любовников мог притащить к себе сентиментальный Сашенька. Искать среди них – гиблое дело: ни один даже не отпечатался в моей памяти. Кроме Толика, конечно. Тот последним ходил в постоянных сожителях Сашеньки и был обворожителен, как бог. На взгляд обезьян Центральной Африки, конечно. Толюсик был постоянно небрит, видимо, чтобы компенсировать обширнейшие залысины на черепе. Ходил ссутулившись, загребая воздух лопастями ушей, а жёлтые глаза его, глубоко посаженные, глядели до того холодно и пристально, что я даже как-то попросила Сашеньку не водить своего друга к нам в «Экстаз» и не пугать трепетных покупательниц. Впрочем, в постели самцом Толян, наверно, был неплохим, если Сашенька так страдал по нему.

Уж не Толик ли и прикончил его? Сожительствовавали они достаточно активно и страстно, так что Сашенька периодически ходил в чёрных очках, скрывая качественно поставленные фингалы. Да и сидел в последний раз Толюсик, насколько помнились мне душевные излияния покойного зама, за то, что обрезком водопроводной трубы проломил кому-то голову. Но зачем было Толику убивать свою курочку, пардон, петушка с золотыми яйцами? Сашенька кормил его, одевал и ублажал изо всех сил, не жалея денег. Опять что-то не клеится...

Причина может быть только одна, и связана она с тем самым героиновым пакетиком, из-за которого и арестовали Володю. Разборка произошла тоже из-за этого, и Сашенька поплатился жизнью. Но чей тогда героин? Толика или кого-то ещё? Там ведь порошочка приличное количество, а у нас и за меньшие деньги шею человеку могут свернуть не задумываясь. О, господи!

Так ничего и не определив своим любительским анализом, я поднялась, подошла к комоду и наугад осторожно выдвинула несколько ящиков. В среднем лежал большой фотоальбом. Я перелистнула его страницы. Какие-то незнакомые люди, люди. Вот фотографии, сделанные у нас в магазине на Восьмое марта. Я с букетом роз. Вот Сашенька, загримированный под японскую гейшу, – память о его романе с одним из ведущих актёров местного драмтеатра. Вот и Толик, дарящий в объектив нежную улыбку Кинг-Конга. Не зная ещё толком, с какой целью, я взяла альбом и пошла прочь, по-прежнему оставив дверь в квартиру незапертой и не выключая света. Так его быстрее обнаружат...

Выходя на площадку, я ещё раз, прощаясь, оглянулась на мёртвого Сашеньку, почувствовала, как рыдания подступают к горлу, и метнулась вниз по лестнице. Потом я долго сидела на скамейке посреди ночной Весенней и редела, хлюпая носом. За какие-то шесть последних часов жёсткая рука выхватила из моей жизни двух людей, на которых держались мои стабиль-

ность и покой. Слезы безостановочно катились по щекам, а я их уже и не вытирала, потому что платок всё равно был – хоть выжимай. Какой-то запоздалый мужичок потоптался около меня, но, видать, оценив мои тапочки на босу ногу и прижимаемый к груди фотоальбом, решил, что я не ночная бабочка, а жертва семейного дебоша, и поплёлся дальше.

Наркормыцарь Кацман

Карабан позвонил ни свет ни заря. Я забылась только под утро, наскоро разглядывая какие-то обрывки тяжёлых снов. Телефон заквакал на тумбочке у изголовья, и я, ещё не понимая, досматриваю очередной кошмарик или это объективная реальность, взяла трубку.

– Ольга, чё, правда, что Вовку вчера замели?!

Ну вот, уже и слухи, как круги по воде, пошли.

– А, это ты... Правда.

– Чё случилось-то?

– Сама, Лёш, не понимаю. Налетели вчера целой толпой, обыск стали делать. А тут, как на беду, я с работы одну вещицу принесла. Они и посчитали, что она – Володина. Сегодня с утра схожу в полицию, поговорю. Разберутся и выпустят, наверно.

– Какая такая вещица? Уж не ствол ли?

Я чуть было не сказала про героин, но вовремя осеклась. У Карабана полезные знакомства там и сям, вот только не стоит его пугать раньше времени, может, ещё придётся обращаться за помощью. Да не «может», а точно.

– Лёш, это не телефонный разговор. Слушай, а ты не мог бы со своим дядюшкой потолковать? Глядишь, он сверху тоже поспособствует...

– Это дело обкашлять надо. Давай так сделаем: я сейчас с ранья в Аннинск еду, к вечеру в городе буду. Ты подьясни пока, чего они хотят от Вовки, а потом приезжай ко мне часиков в десять вечера, сядем и обстоятельно перетрем эту тему.

Я согласно покивала головой, как будто собеседник мог видеть меня. Но в трубке уже были только короткие гудки: скорострельный Карабан отключился.

Я с трудом разглядела в сумраке часы. Пол-седьмого утра, но сна не было ни в одном глазу. После моего вчерашнего спонтанного возлияния головушка была вава, а во рту, натурально, находился кошачий туалет. Не без труда подняв с постели брэнное тело, я поплелась в ванную чистить зубы. Разглядывая в зеркале своё осунувшееся лицо, ещё нашла силы подивиться тому, что в голове – ни единой мысли. Полная опустошённость и апатия ко всему – видать, после такого выхлопа эмоций психика отключилась, чтобы не перегреться.

Однако в девять утра я уже бодро бродила вдоль высоченного забора из металлических прутьев, которым доблестная полиция нашего региона на всякий случай отгородилась от преступного мира. Дождь снова моросил с утра, попадая в такт моему подавленному настроению.

Чуть только Дора Михайловна появилась поутру, я сдала ей на руки Димку и помчалась в областное УВД. Оказывается, кто-то подсуетился, и накануне вечером в телепрограмме новостей уже успели передать, что по обвинению в совершении тяжкого преступления задержан известный предприниматель Владимир Градов. Потому бедная старушка смотрела на меня опасно: то ли я вцеплюсь ей когтями в горло, то ли достану из кармана парабеллум и предложу на пару ограбить банк.

Кацман с утра пораньше был на каком-то совещании, так что битых два часа я толкалась под дождём, то и дело названивая по внутреннему телефону от проходной. Понемногу сознание размораживалось, наверно, тройная доза кофею поспособствовала, и я теперь могла крутить в голове ситуацию туда и сюда.

Насколько всё это серьёзно? Примут ли в милиции моё объяснение, если учесть, что Сашенька уже беседует с богами? Не подсуетиться ли мне и не снять ли деньги со счетов, пока у следствия не возникла идея наложить на них арест? Что за резонанс повлечёт за собой эта история и не помешает ли она Володиному бизнесу? Захочет ли помочь мне Карабан?

Захочет. Он ведь понимает, что его благополучие невысказанно без Володи. Хотя как подумаю, что придётся идти к нему, объяснять, просить, – с души воротит. Лёшку Карабанова я

откровенно не любила, не понимая даже толком причин своей антипатии. Что-то на генном уровне. Ещё в детстве жил в соседнем с нашим бараке рыжий Кирюха, который имел обыкновение ни за что ни про что драть меня за волосы, растаптывать мои песочные пирожки и ломать самодельных куколок. С тех пор рыжих недолюбиваю, а всенародное пугало Чубайс только укрепил мои детские комплексы.

Карабан тоже был рыжим. Противный такой, с белёсыми ресницами и цельноклееной ухмылкой на веснушчатой физиогномии. Стоило мне представить, что такими веснушками он усыпан с ног до головы, включая самые интимные места, и меня передёргивало, будто таракана проглотила. Кто увидел Карабана впервые, никогда бы не подумал, что тот происходит из высокопоставленного семейства и даже типа имеет высшее образование. Мажорный мальчик Лёша с юных лет был болен блатной романтикой, свободно, без словаря, изъяснялся на фене и знал немереное количество уголовных шуток-прибауток. Всё это потом удачно легло на модные стандарты делового человека, и в итоге получился типичный «новый русский», как их изображают в анекдотах и кинокомедиях. Не сказать, что Карабан был дураком: да, в каких-то вопросах он был откровенно туп, но всё это компенсировалось животным чутьём и прагматичным отношением к жизни – не по книжным премудростям, а в натуре.

Не знаю, какими путями сошлись они с моим мужем, но когда я только-только познакомилась с Володей, их совместный угольный бизнес шёл в гору со страшной силой. Николай Петрович, Карабанов-старший, когда-то был партийным деятелем областного масштаба, потом отошёл от мафиозных дел, но ниточки в старческих руках держать продолжал и по необходимости дёргал за них. Николай Петрович числился в консультантах крупного банка, в офисе которого появлялся раз в месяц, но если уж возникала реальная нужда в услугах заслуженного старпёра, один его телефонный звонок окупался для банка многократно. Ещё один Карабанов, родной брат партийца, при советской власти был угольным генералом, потом двинулся во власть и плотно окопался в областной администрации, удержавшись даже при смене губернаторов.

Из этой хорошо укоренившейся грибницы и росло благосостояние приклатнённого Лёхи Карабанова. При полной внешней и внутренней несхожести, они с моим Володей создали нерушимый тандем. Первые несколько лет совместной жизни я вообще глядела на мужа, как полная дурочка, разинув рот, – до такой степени он подавлял меня мощью своего ума. Градов был не талантом, а самым настоящим гением в бизнесе. Он мог выстраивать такие хитроумные цепочки сделок, так тщательно просчитывал все возможные последствия, что каждый вложенный в дело рубль оборачивался червонцем. Володя был и современным воплощением легендарного царя Мидаса, превращавшего в золото всё, чего он только ни касался, и человеком редкостной порядочности, который тонко чувствовал жизнь. Это я поняла уже позже.

Ну так вот, стратегические мозги моего Градова и связи Карабанова-младшего в итоге создали компанию, которая экспортировала уголь тысячами составов во все концы географии. Пока тузы из правительства соображали, что делать с разваливающимися шахтами, пока буржуйские эксперты ни шатко, ни валко готовили проекты реструктуризации угольной отрасли, через прореху в государственном мешке уголёк изобильно сыпался в подставленные нами ладони. Хватало с избытком всем – и нашей семье, и карабановскому клану. Правда, в последние годы халявные барыши начали усыхать, но Володя дальновидно уже переложил большую часть денег из корзины с углем в другие рыбные места, так что поводов для беспокойства не было. И что, неужели теперь Лёша Карабанов захочет лишиться всего этого? Времена изменились, на одном благе далеко не уедешь, а продуцировать свежие идеи Карабан был по определению неспособен.

... На сорок третий, наверно, раз в трубке щёлкнуло, и бесцветный голос Кацмана поинтересовался, чего я хочу. Я хотела поговорить. Ещё через пять минут Кацман материализовался на крыльце управления и махнул рукой постовому – пропусти.

Обитал борец с наркомафией в уютном, несмотря на сделанный евроремонт, узком и длинном кабинете, прокуренном донельзя. Ещё бы: первое, что сделал Кацман, усевшись за стол, – сунул меж тонкими губами сигарету и щёлкнул дешёвенькой китайской зажигалкой. Прищурился, что в его воображении, должно быть, свидетельствовало о высшей степени проницательности, и произнёс:

– Ольга Сергеевна, скажу вам начистоту: не было никакой необходимости приходить сюда. Мы вас, конечно, допросим в качестве свидетеля по делу, но, думается, ничего существенного вы нам сообщить не сможете. Даже если и осведомлены о наркосвязях вашего мужа, не станете же вы его сдавать. Могу также сообщить, что анализ порошочка наша лаборатория уже сделала: это действительно героин, чистейший – три девятки, нечаянно на помойке такой не найдёшь.

– Но послушайте, всё обстоит совсем не так, как вы считаете. Владимир Николаевич и понятия не имеет ни о чём, этот пакет с наркотиками оказался в нашей квартире случайно.

– Ветром в форточку занесло?

– Нет, это моя вина. Пакет я принесла вчера с работы.

– С работы? Вы что, наркопритон содержите?

Натужный полицейский юмор Кацмана начал меня раздражать.

– У меня магазин женской одежды. А пакет мне отдал на хранение один из моих сотрудников. Я даже не знала, что находится в нём.

– Ну, предположим. Я не я и лошадь не моя. Хотя верится с трудом. Думаю, вы просто, как верная жена, стараетесь выгородить своего мужа. И даже если существует этот самый сотрудник, я не поручусь, что вы с ним не провели вечерком разъяснительную работу, и он сейчас уже далеко за пределами города, путает следы за очень отдельную плату...

Перед моими глазами всплыл мёртвый Сашенька, показывающий холодный язык. Что, съела? Нашла на кого сослаться. Чего доброго, ещё повесят на меня этот труп. Я поёжилась и с трудом вернулась к рассуждениям Кацмана:

– ...совсем недавно он вернулся из командировки в Таджикистан. Или вы меня будете убеждать, что угольный король Градов ездил туда дыни закупать?

– Зачем он туда ездил – не знаю. Но подумайте логически: зачем человеку, имеющему легальный и очень прибыльный бизнес, связываться с криминалом, марать репутацию?

– Ой ли? Милая Ольга Сергеевна, доходность торговли героином такая, что ваши угольные забавы по сравнению с ней – всё равно, как если бы ваш муженёк ходил побираться вечерами у ресторана. Понимаю, что Градов – не дурак, его администрация области обеими руками поддерживает, а под таким прикрытием твори, что хочешь – всё спишется. Нет, не спишется: дело мы доведём до суда, это я вам обещаю. А сейчас, извините, вынужден раскланяться с вами – дела: наша опергруппа с самого утра делает обыск в офисе фирмы вашего мужа, и мне необходимо быть там.

Тут я поняла: сюда я пришла зря. Толку не будет. Неизвестно, чего в нём больше, чисто полицейского скудоумия или плебейской ненависти к удачливому бизнесмену Градову, но Кацман будет упираться до последнего, именуя белое чёрным – и наоборот. Даже при очевидных доказательствах невиновности Володи (хоть их и унёс на тот свет Сашенька), амбиции не позволят Кацману признаться в своей неправоте. Тем более, тут, наверно, и карьерные перспективы замешаны – как же, такого зубра изловил! А следом и до генеральских погон – рукой подать.

Я встала и холодно попрощалась. Душка Кацман проводил меня до самых ворот и попросил никуда пока не отлучаться из города. Спасибо, что хоть подписки о невыезде не потребовал.

Забыв о том, что неподалёку припаркована моя машина, даже не открыв зонтик, я побрела под дождём по тротуару и свернула в ближайший двор. Дура я дура. Понеслась искать справедливости. Разберутся, выпустят... Как же! Всею кожей я ощутила, как наяву, тяжёлое вращение шестерёнок машины правосудия. Володя случайно оказался рядом, за краешек одежды его втянуло в механизм и теперь наматывает на зубья. И со мной будет то же самое, не отойди я подальше.

Здесь силы оставили меня совсем. Если в областное УВД я бежала, наэлектризованная желанием всё объяснить и освободить Володю, то сейчас вся моя энергия попросту улетучилась в сырую атмосферу. Как разряженная батарейка, я остановилась, отвернулась к стене дома, уткнулась в рукав куртки и заплакала, смешивая свои слёзы с дождём...

Откуда не ждёшь...

...Я сползла по грязной вокзальной стене и сидела на холодном полу, тупо вглядываясь в щербинки на каменных плитах. До этого момента я держалась на своём кураже, на боязни погони, на совершенно необоснованной надежде в то, что есть на свете место, где всё изменится, и я буду жить там хорошо. Сбегая с грудным Димкой из дому, я обшарила карманы вечно пьяного мужа, но денег там оставалось немного. На вокзале я просто подала эти деньги в окошечко кассы и попросила: «Дайте, пожалуйста, билет до какого-нибудь большого города, куда денег хватит...» Кассирша ничуть не удивилась и протянула мне картонный прямоугольничек. Потом в общем вагоне поезда, в промежутках между кормлениями Димки и короткими провалами в сон, я глядела в окно на плывущие мимо леса и болота и шептала: «У меня всё будет хорошо. Я выкарабкаюсь, я сильная». Димка во сне причмокивал губами, и его младенческое тепло придавало мне силы.

Так, повторяя эту самодельную молитву, я вышла на чужой перрон незнакомого мне губернского города Кикиморово, где не бывала никогда. Стоял слякотный октябрь, и на привокзальной площади было мрачно, лишь тусклые фонари да редкие такси светом фар слегка разбавляли темноту. Я отошла чуть дальше и попала ногой в лужу. Холодная вода, хлынувшая в туфлю, отрезвила меня, и только тут я поняла, что оказалась в нигде, с грудным младенцем на руках, с мелочью в кармане, и деваться мне просто некуда. Страх был настолько силён, что я кинулась обратно в громоздкое здание вокзала, в тепло. Там я пробродила весь вечер и часть ночи среди шумных цыганских семейств, заполонивших скамейки, и бомжей, пришедших отогреться в зале ожидания.

Потом, когда усталость всё-таки взяла своё, я сползла спиной по грязной вокзальной стене и сидела на холодном полу, тупо вглядываясь в щербинки на каменных плитах. Я оказалась в тупике, выхода из которого не было. Меня начало затягивать в вязкий и тяжёлый сон, и я боялась только одного – как бы не выронить из рук Димку. Как сквозь вату, я с трудом слышала: «Девушка, вам плохо? Помочь вам?» Разлепила веки и взглянула вверх. Передо мной стоял Володя. Впрочем, тогда я ещё не знала, что его зовут так...

...«Девушка, я чем-то могу помочь вам?», – спросил мужской голос, и я полуобернулась, машинально утирая слёзы. Сухощавый мужчина лет сорока пяти, в стального цвета плаще, стоял и участливо смотрел на меня карими добрыми глазами, как папа, которого я никогда не знала. Волосы с проседью смешно топорщились на затылке прохожего. Под мышкой он держал толстую чёрную папку.

– Вас, случайно, не в нашем учреждении обидели? – спросил мужчина и кивнул в сторону здания областного УВД.

– А где ещё у нас могут безнаказанно обижать людей!? – проворчала я, поняв, что он тоже из этих, которые обыскивают и арестовывают.

– Ну не надо так сразу. Ещё в Библии было сказано: умеете отличать овец от козлиц. У нас ведь работают и сыщики, и, к сожалению, мусора – тоже. Не поручусь, что решу все ваши проблемы, но расскажите, что с вами случилось. Может, посоветую, к кому лучше обратиться.

Я ещё раз буркнула что-то недоверчивое, но уже кожей своей ощущала, что мне повезло, и что этому человеку я смогу рассказать всё: про вчерашний арест Володи, про героин и про Сашеньку со свёрнутой шеей.

Позже, уже сидя в его кабинете, я отхлёбывала кофе и беспорядочно, перескакивая с одного на другое, пыталась объяснить суть происшедшего. Валерий Петрович, а именно так звали моего нового знакомого, не перебивал меня, лишь подбрасывая в редких паузах наводящие вопросы. Когда я выговорилась до доньшка, на пару минут в кабинете повисло молчание. Валерий Петрович смотрел в окно, постукивая костяшками пальцев по столешнице. Повернулся. Вдохнул.

– Да, история, похоже, поганенькая. Рано или поздно – скорее поздно – выяснится невиновность вашего мужа, но крови ему и вам за эти годы попьют.

– Годы? – я похолодела.

– Оля, не хочу вас расстраивать, но, как мне кажется, всё, происшедшее с вами, – не случайность. Не бывает такого, чтобы к человеку случайно пришли с обыском как раз тогда, когда в его квартире оказалась некая... компрометирующая вещичка. Тем более, к личности такого уровня. Боюсь, дело пахнет чьим-то заказом, возможно, даже на политическом уровне. Вам, наверно, странно слышать такие вещи от полицейского, но закон – и в самом деле, что дышло: можно нанять для убийства киллера, а можно натравить прокуратуру, и человека закатают прочно и надолго, при полной видимости соблюдения закона. С администрацией области в последнее время трений у вашего мужа не было?

Я пожала плечами:

– Володя – человек достаточно скрытный. Думаю, всё, что я знаю о его работе, – это такая малость... Верхушка айсберга, короче. Он старается меня оберегать. Как-то сунулась к нему с достаточно откровенными расспросами, так он меня обрезал: меньше знаешь, мол, крепче спишь. А почему вы именно про администрацию спросили?

– Долго объяснять. С тем, к кому вы сейчас приходили, у меня старые счёты. Человек нечистоплотный. Обратили внимание? – ему и сорока нет, а он уже полковник. Я вот, к примеру, почти пенсионер, но всё ещё в капитанах. Говорю не для того, чтобы пожалиться хорошенькой девушке: просто есть у Кацмана, по моим данным, родственник – не родственник, в общем, покровитель в областной власти, который пропихивает его наверх. Вот Маркуша и отрабатывает. Он – начальник областного отдела, так что не с руки ему по обыскам бегать, как простому оперу. И раз уж появился в вашей квартире – значит, имел какой-то интерес. А если заказ на Градова сделали сверху – так просто не отделаешься: в подобных ситуациях и языки умолкают, и пророчества не исполняются. Так что настраивайтесь на длительную осаду.

Я откровенно повесила нос. Ну вот, и добрый мент мне тоже помочь ничем не сможет. Здесь тоже всё, как у людей: неестественный отбор, борьба за существование, сильный жрёт слабого. Господи, в какую же грязь я вляпалась...

Мои мысли, похоже, достаточно отчётливо читались у меня на челе, потому что Валерий Петрович ободряюще улыбнулся:

– Быстро же вы, Оленька, скисли. Другие вон чего – и то ничего. Я, конечно, открыто в ваше дело соваться не могу: и епархия другая, и заклятого друга лишний раз настораживать не хочется. Могу из личной симпатии немножко помочь вам информацией: прощупать, откуда и куда тянутся ниточки с арестом вашего мужа, или полюбопытствовать, как продвигаются поиски убийцы вашего... покойного зама, если, конечно, его труп уже обнаружили. Вы, кстати, в квартирке убитого не наследили?

Я покачала головой.

– В каком районе он жил?

– В Центральном, на Весенней.

– Это хорошо. Кстати, какие-нибудь данные на его сожителя у вас есть? Ну там, адрес, приметы, любая информация, в общем.

Я с готовностью полезла в сумочку и достала два фото:

– Вот. На этой – Сашенька, а на этой – Толик. Правда, я не знаю ни его фамилии, ни адреса. Сашенька рассказывал что-то, но я привыкла детали его любовных историй пропускать мимо ушей, так что... Знаю лишь, что вместе они были последние полгода, причём познакомились как раз в то время, когда Толик отбыл очередной срок и освободился. Сидел он, кажется, за то, что кого-то до смерти забил обрезком трубы. Вот и всё...

– Ну, Оленька, это же замечательно – просто море информации: фото, судимость, примерное время освобождения. Этак, если он из нашей области, я по информационной базе уже сегодня прокачаю вашего... ну извините, не вашего Толика. Может, он какую-то зацепочку и даст. А теперь давайте сделаем так: вы оставьте мне ваш адрес и телефон, чтобы лишний раз не мелькать у наших высоких ворот. Когда у меня что-то появится, я вам звякну, подъеду и расскажу. Идёт?

Я благодарно закивала головой...

Всякой скотине мать

Дора Михайловна сошла с ума. Она всегда была такой благообразной и дружелюбной старушкой, что я сразу даже не признала её в гарпии с всклокоченными волосами, которая открыла мне дверь. Трудно понять, чего больше – страха или злобы – было в её голосе, когда с порога Дора Михайловна заорала на меня:

– Хватит, наработалась! Ольга Сергеевна, давайте расчёт, и больше ни минуты в вашем доме я не останусь! Мне покой и жизнь дороже!

– Что случилось, Дора Михайловна, голубушка?! Димка вас чем-то обидел, что ли?

– Какая вам разница?! Деньги давайте! Ещё не хватало, чтобы меня по полициям и судам затаскали. Вы и муженёк ваш разбирайтесь со своими тёмными делишками, а мне это ни к чему.

– Дора Михайловна, но что же мне делать? Димку даже оставить не с кем: Володю арестовали, я работаю.

– Сдайте в детский сад, как все нормальные люди делают. Тоже мне, фифа барских кровей! Нахватают денег и бесятся с жиру...

Гниль пёрла из маленькой старушки полными вёдрами. Сверкая бесцветными глазами, она насканивала на меня и грозила сухоньким кулачком, видя во мне, наверно, омерзительный символ капитализма. Я поспешно полезла в бумажник и подала ей две стодолларовых бумажки – плату за последний месяц – только бы она заткнулась и ушла. Сил моих никаких не было наблюдать, как из милой бабушки, которой я доверяла своего сына, вылупляется злобное, ненавидящее меня существо, гоблин какой-то.

Как-то довелось мне прочесть книжицу, обычный ужастик, в котором под личинами некоторых людей скрывались кровожадные монстры из потустороннего мира, однако никто этого видеть не мог, кроме простого парня, и тот носился, как подорванный, по свету, предостерегая окружающих, но все считали его обычным психом. Такое ощущение, будто со вчерашнего дня у меня тоже открылось тайное зрение, и я в ужасе наблюдаю тянущиеся ко мне свиные рыла и оскалы клыков. Конец света – да и только!

Всё ещё бормоча что-то под нос, Дора Михайловна резво шмыгнула за дверь, и тишина наконец-то воцарилась в прихожей. Я бы заревела – это состояние за последние сутки всё больше делалось для меня привычным, – но не имела права распускать сопли перед Димкой, который даже не появился на шум. Заглянула в детскую. Мой сынуля лежал на диване и старательно изучал какую-то детскую энциклопедию с картинками. Жизнь шла своим чередом, и надо было думать, что делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.